

И. М. МАЙСКИЙ

ЛЕГЕНДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

(ПО ПОВОДУ ВЫХОДА РУССКОГО ИЗДАНИЯ КНИГИ Р. ШЕРВУДА
«РУЗВЕЛЬТ И ГОПКИНС ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА»)

Это очень интересная и оригинальная работа. Происхождение ее необычно. В апреле 1945 г. умер американский президент Франклин Делано Рузвельт. Гарри Гопкинс, его многолетний соратник, решил написать книгу, посвященную Рузвельту. Однако в январе 1946 г. и Гопкинс умер, не успев осуществить своего намерения. Тогда за дело взялся известный американский публицист Роберт Шервуд, друг Гопкинса и хороший знакомый Рузвельта. В результате появился большой труд, героями которого являются оба — Рузвельт и Гопкинс.

Этот труд — воспоминания Шервуда, богато документированные самыми разнообразными материалами, почерпнутыми главным образом из обширного архива Гопкинса. Книга написана увлекательно, но она требует критического отношения к себе, ибо у Шервуда все время чувствуется тенденция приукрасить американскую действительность и идеализировать своих героев. Несмотря на это (и, возможно, против воли автора), на страницах книги открывается неприглядная картина кулис империалистической политики, и советский читатель найдет здесь для себя много любопытного и поучительного. Вступительная статья Ю. В. Борисова окажет ему несомненную помощь. Перевод сделан хорошо, однако можно пожалеть, что в русском издании опущен индекс, имеющийся в подлиннике, — это затрудняет пользование книгой.

В кратком сообщении нет возможности дать сколько-нибудь полное представление о столь обширной работе (в ней свыше 1350 страниц). Поэтому я ограничусь более скромной задачей. Я постараюсь, пользуясь материалами книги Шервуда и некоторыми другими данными, рассеять две легенды, сложившиеся в буржуазной литературе, и дать более реалистическое представление о фигурах Рузвельта и Гопкинса.

* * *

Перед второй мировой войной и в годы войны вокруг имени Рузвельта возникла легенда, сильно идеализировавшая его личность.

Рузвельта рисовали как Авраама Линкольна XX века, как демократа крайне левого толка, чуть ли не социалиста, и в доказательство ссылались на «Новый курс», т. е. на совокупность тех финансово-экономических и социальных мероприятий, с помощью которых Рузвельт пытался преодолеть экономический кризис 1929—1933 гг. О Рузвельте говорили, как о яром антифашисте и противнике Гитлера и Муссолини, как о горячем стороннике принципа самоопределения наций. В доказательство ссылались на его речи, где он отстаивал идеи демократии и мира во всем мире, а также торжественно обещал проводить «политику доброго соседа» в отношении латиноамериканских стран. Эта легенда, исходившая странным образом как от друзей президента (гордившихся ею), так и от его врагов (пугавших ею), настолько прочно утвердилась, что долгое время мешала разглядеть реального Рузвельта. Теперь,

в свете исторической перспективы, этот реальный Рузвельт становится все яснее, и книга Шервуда, несмотря на ее проружельтовскую тенденциозность, дает немало материала для обрисовки подлинной сущности покойного президента.

Рузвельт был, конечно, чисто буржуазным государственным деятелем, притом аристократического происхождения, но деятелем крупного масштаба, с широким размахом и большой энергией, и потому видевшим гораздо дальше, чем рядовые представители американского господствующего класса. Он понимал, что в обстановке 30—40-х годов XX в. защита основных интересов этого класса требовала не совсем обычных средств, и он решительно применял их, нередко вызывая шумное сопротивление наиболее реакционных кругов американской буржуазии. Вопреки их воле Рузвельт, чтобы спасти американский капитализм в один из тягчайших для него моментов, прибегал к мерам, выглядевшим весьма радикально. В течение ряда лет американский «большой бизнес», скрепя сердце, шел за президентом, так как был сильно напуган бурей мирового экономического кризиса. Позднее, когда кризис миновал, монополисты пытались взять (и нередко действительно брали) реванш, выпуждая Рузвельта к таким шагам, которым он лично не сочувствовал. В итоге политическая линия Рузвельта на протяжении 12 лет его пребывания у власти носила зигзагообразный (а подчас и противоречивый) характер.

Факты, в том числе и те, которые приводит Шервуд, полностью подтверждают только что высказанные соображения.

Возьмем область внутренней политики. Сколько споров вызвал в свое время «Новый курс» Рузвельта, с помощью которого он пытался парировать последствия мирового кризиса 1929—1933 гг. Находились люди, которые рассматривали этот курс чуть ли не как «большевистский эксперимент». Да, конечно, меры, принимавшиеся президентом, были необычны для буржуазного деятеля, что, несомненно, свидетельствовало о смелости и решительности Рузвельта, но по своему существу они не выходили за рамки государственно-монополистического капитализма, который получил столь широкое развитие во время и после второй мировой войны.

Не иначе обстояло дело и в сфере того, что можно назвать «имперской политикой» Вашингтона. Рузвельт объявил о проведении политики «доброго соседа» по отношению к латиноамериканским странам. Немало твердолобых из кругов «большого бизнеса» были тогда возмущены его декларацией. Между тем она отнюдь не предусматривала ликвидации империалистического курса США по отношению к странам Латинской Америки, а лишь придала ему несколько более гибкие и завуалированные формы. Как умный представитель своего класса, Рузвельт понимал, что политика «большой дубины» к 30-м годам XX в. пережила себя. Она вызывала все растущее сопротивление латиноамериканских народов и становилась невыгодной для американской буржуазии. Требовалась смена фасада, и Рузвельт произвел ее, тем самым охраняя коренные интересы монополистического капитала.

А в области внешней политики? Именно потому, что Рузвельт был крупным государственным деятелем, он очень рано понял опасность гитлеризма для мировых позиций США и сделал отсюда необходимые практические выводы. Так, в конце 1933 г. США установили дипломатические отношения с СССР, от чего предшественники Рузвельта уклонялись в течение 16 лет. Он выступал не раз с резкими обвинениями фашистских агрессоров; в речи от 5 октября 1937 г. в Чикаго Рузвельт, например, призвал все миролюбивые нации объявить «карантин» против агрессоров, а в апреле 1939 г., после захвата Албании Италией, он обратился к Гитлеру и Муссолини с призывом обещать неприкосновенность 31 государства в Европе и Азии. В 1940 г. Рузвельт снабдил Англию, уже воевавшую с Германией и Италией, 50 эсминцами и несколькими сотнями тысяч винтовок. В начале 1941 г. Рузвельт провел закон о ленд-лизе для стран, подвергшихся нападению агрессоров.

Все это — факты, ясно свидетельствующие о дальновидности президента, которому часто приходилось осуществлять те или иные мероприятия в серьезной борьбе с реакционными группировками собственного класса. Беспрецедентным актом, которого многие американские и неамериканские мракобесы до сих пор не могут простить Рузвельту, была, в частности, готовность Рузвельта совместно с Советским Союзом сражаться против гитлеровской Германии.

Я перечислил ряд действий покойного президента, которые имели положительное значение. Но в его «послужном списке» значатся также дела совсем иного характера. Приведу два особенно ярких примера, относящихся к годам, предшествовавшим второй мировой войне.

В 1935—1936 гг. в США под давлением так называемых изоляционистов был принят закон о нейтралитете, запрещавший вывоз оружия в воюющие страны независимо от того, является ли данная страна агрессором или жертвой агрессии. Так как обычно агрессоры бывают вооружены гораздо лучше, чем их жертвы, то формальная «беспартийность» американского закона по существу оказалась выгодной только агрессорам. И это с воюющей очевидностью обнаружилось сразу же после принятия закона. Когда осенью 1935 г. фашистская Италия напала на Эфиопию, последняя обратилась к США за военными материалами, но в соответствии с законом о нейтралитете ей было в этом отказано. Иными словами, правительство Рузвельта в данном случае служило не делу мира, а делу агрессии и войны.

В июле 1936 г. испанские фашисты подняли мятеж против законного демократического правительства Испанской республики и при открытом содействии Гитлера и Муссолини превратили этот мятеж в длительную и жестокую гражданскую войну. По инициативе Англии и Франции между 27 европейскими державами было заключено «Соглашение о невмешательстве в испанские дела», и в Лондоне для наблюдения за его выполнением был создан «Комитет по невмешательству». Соглашение предусматривало обязательство всех его участников не продавать оружия ни той, ни другой стороне в Испании. Однако Германия и Италия, подписав соглашение, продолжали во все больших масштабах снабжать Франко не только вооружением, советниками, экспертами, но и целыми войсковыми частями. В конце концов число немцев и итальянцев, сражавшихся на стороне Франко, перевалило за 100 тыс. Напротив, Англия и Франция с лицемерной напыщенностью строго соблюдали обет «невмешательства» и отказывались продавать Испанской республике даже противогазы. В результате этого баланс сил в Испании резко изменился в пользу мятежников. Испанское правительство хотело закупить некоторое количество оружия в США, поскольку заатлантическая республика не участвовала в «Соглашении о невмешательстве» и была, таким образом, совершенно свободна в своих действиях. Но США отказали Испанской республике в продаже оружия совершенно так же, как это сделали Англия и Франция.

Апологины Рузвельта обычно говорят, что в обоих приведенных случаях лично он являлся противником той линии поведения, которую проводило американское правительство, и что только сильнейшее давление со стороны реакционных сил внутри США заставляло президента ее санкционировать. У нас нет достаточных данных для того, чтобы признать это объяснение истинным. Можно даже думать, что в нем имеется кое-что от легенды о Рузвельте. Но, если бы даже все это оказалось верным, все-таки остается неоспоримым, что Рузвельт не может уклониться от исторической ответственности за ту политику «умиротворения» агрессоров, которую тогда осуществляло американское правительство.

* * *

Но вот разразилась вторая мировая война, в которую 7 декабря 1941 г. были вовлечены и США. Каково было поведение Рузвельта после ее начала?

Рузвельт, как уже упоминалось, оказал Англии помощь оружием и военными судами (но — и это весьма характерно — в обмен на ценные бумаги и базы в колониальных владениях Великобритании), а с начала 1941 г. организовал снабжение Англии на основе ленд-лиза. Система ленд-лиза не имела в прошлом прецедентов, и введение ее опять-таки свидетельствовало о смелости и дальновидности президента, однако в этой системе не было ничего, кроме разумного буржуазного расчета. Опыт первой мировой войны показал, что задолжавшие капиталистические государства не платят своих долгов, принимающих астрономические размеры, а это вызывает целый ряд экономических осложнений и даже политических потрясений в отношениях между странами. Для США выгоднее было перейти к более гибкой форме финансово-экономических отношений со своими союзниками, форме, исключавшей такие осложнения и потрясения, и Рузвельт это сделал.

Когда гитлеровская Германия напала на СССР, Рузвельт занял весьма сложную позицию. Уже 24 июня 1941 г. он открыто заявил, что США окажут Советской стране поддержку. В конце июля Гопкинс с санкции Рузвельта отправился в Москву для выяснения нужд СССР в области военного снабжения. 1 октября был подписан первый протокол об обязательствах США и Англии в деле такого снабжения; к СССР был применен закон о ленд-лизе. На протяжении войны поставки США нашей стране (согласно этой системе) составили 10 млрд. долларов.

Такова была одна сторона деятельности Рузвельта во время второй мировой войны. Но была и другая.

Сразу же после нападения Германии на СССР во весь рост встал вопрос о втором фронте. Советское правительство обратилось сначала к Англии, а потом (когда США были вовлечены в войну) к Англии и США с настоятельной просьбой открыть второй фронт в Северной Франции. Британское правительство, руководимое У. Черчиллем, вступило на путь длительного и упорного саботажа этой просьбы. Какова же была позиция Рузвельта? Легенда о Рузвельте гласит, будто бы после 7 декабря 1941 г. он стал горячим сторонником выполнения советской просьбы, желая оказать помощь нашей стране, и в том, что второй фронт был открыт только в июне 1944 г., виноват лишь Черчилль. Так ли это? Факты, приводимые Шервудом, говорят, что это не вполне соответствует истине.

Да, конечно, по инициативе Рузвельта (а вернее — начальника американского генштаба генерала Маршалла) в апреле 1942 г. американцами был принят план вторжения в Северную Францию в 1942 г. Но каковы были их мотивы? Они имели мало общего с потребностями СССР и в основном отвечали интересам американских монополий. Рузвельт и Маршалл считали, что с точки зрения генеральной стратегии войны надо сначала разгромить Германию, а уже затем обрушиться на Японию. К тому же американские монополии видели своего главного конкурента в немецкой промышленности и были заинтересованы в захвате Рура. Кратчайшим путем к разгрому Германии являлось вторжение в Северную Францию. Рузвельт сочувствовал ему еще и потому, что попутно оно отвечало требованию СССР об открытии второго фронта; однако из всего, что рассказывает Шервуд, становится ясным: данное соображение играло подчиненную роль.

Но как только британское правительство, вопреки своему первоначальному согласию с американским планом, в июле 1942 г. стало возражать против вторжения в Северную Францию в этом году и предложило перенести его на 1943 г., Рузвельт сразу отступил, даже не попробовав сопротивляться. Он согласился на выдвинутый Черчиллем «альтернативный» план высадки в Северной Африке, который не мог принести СССР никакого облегчения и требовал столько сил и средств, что вторжение в Северную Францию становилось невозможным даже в 1943 г. Когда же наступил 1943 г., Рузвельт опять-таки под давлением Черчилля согласился на отсрочку высадки в Северной Франции до 1944 г.

Как видим, в вопросе о втором фронте буржуазная сущность Рузвельта выявилась с особенной силой. С другой стороны, однако, необходимо отметить, что в Тегеране (1943 г.) Рузвельт поддержал СССР в его требовании второго фронта в Северной Франции в 1944 г. против Черчилля, предлагавшего открыть второй фронт на Балканах (чтобы не пустить туда Советскую Армию); на Крымской конференции 1945 г. Рузвельт высказался за предоставление СССР репараций с Германии в размере 10 млрд. долл. — опять-таки вопреки Черчиллю.

Подведем итоги.

В фигуре Рузвельта как крупного государственного деятеля своеобразно сочетались противоречивые моменты. Это было естественно, ибо перед нами — повторно еще раз — государственный деятель буржуазии. Но если взвешивать его плюсы и минусы на весах истории, то придется прийти к выводу, что плюсы перевешивают минусы. Ибо Рузвельт хорошо понимал значение величайшей проблемы нашего времени — необходимости сосуществования двух систем. При его активнейшем участии принцип сосуществования в один из самых критических периодов истории человечества превратился даже на определенный срок в принцип сотрудничества. И в этом кроется большая историческая заслуга Рузвельта.

Около имени Гарри Гопкинса тоже сложилась легенда, но только эта легенда противоположного характера.

Шервуд пишет: «В течение тех лет, когда Гарри Гопкинс жил в качестве гостя в Белом доме, его обычно считали мрачной личностью, тайным интриганом, своеобразной комбинацией Макиавелли, Свенгали¹ и Распутина из штата Айова» (т. I, стр. 61).

Однако реальный Гопкинс мало походил на этот образ, созданный главным образом (но не исключительно) его врагами, которых у него в правящей верхушке было очень много.

Откуда Гопкинс пришел?

В противоположность Рузвельту он был не аристократ, а плебей. Впечатления молодости отразились на взглядах и настроениях Гопкинса. Он стал критически относиться к обеим главным партиям страны — республиканской и демократической — и на муниципальных выборах 1917 г. голосовал за социалистов. Впрочем, социалистом Гопкинс не сделался, но либеральным тенденциям он был верен до конца жизни.

С Рузвельтом Гопкинс впервые встретился в 1928 г.; в 1933 г., после избрания Рузвельта президентом, Гопкинс был приглашен занять пост директора Федерального управления помощи безработным. В 1938 г. Гопкинс был назначен министром торговли, а с 1940 г. он стал тем, чем остался в памяти человечества: ближайшим советником и личным другом Рузвельта, участвовавшим в определении внутренней и внешней политики США. Гопкинс присутствовал на всех важнейших конференциях и встречах военного времени, по поручению президента ездил в разные концы мира и вел переговоры с руководителями различных государств. Доверие Рузвельта к Гопкинсу было чрезвычайно велико, и влияние Гопкинса на президента не подлежало никакому сомнению; как уже упоминалось, Гопкинс в течение нескольких лет даже жил, по желанию Рузвельта, в Белом доме.

Гопкинс никогда не был коммунистом или сочувствующим коммунизму, но к нашей стране он питал симпатию. С наибольшей силой — и это я могу засвидетельствовать на основании личного опыта — чувства Гопкинса к СССР выявились во время второй мировой войны. Через месяц после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз он, будучи уже больным, совершил трудную и опасную поездку из Англии в Москву на летающей лодке вокруг Скандинавии. Поездка эта имела важные последствия: она заложила первый камень в фундамент антигитлеровской коалиции. На протяжении всего последующего периода войны Гопкинс неоднократно выступал в качестве посредника между Западом и Востоком, и по страницам книги Шервуда рассыпано немало доказательств того, что Гопкинс стремился в максимальной степени идти навстречу нуждам и просьбам СССР. За несколько месяцев до смерти в предчувствии близкого конца (он с сарказмом говорил тогда, что «находится в отпуску у смерти») Гопкинс приезжал в Москву для урегулирования вопроса о Польше. Об отношении Гопкинса к СССР можно судить также по следующим выдержкам из набросков, сделанных им незадолго до смерти для книги, которую он собирался писать:

«Мы знаем, что мы и Россия являемся двумя наиболее могущественными нациями в мире как по людским, так и по сырьевым ресурсам. Известно также, что мы смогли бороться бок о бок с русскими в величайшей войне в истории... Я уверен, что у них... нет никакого желания воевать с нами, но что они... хотят поддерживать дружественные отношения с нами».

Закапчивая этот раздел своих набросков, Гопкинс делал следующий вывод:

«Советский Союз состоит из 180 миллионов трудолюбивых, гордых людей. Это народ цивилизованный. Это люди волевые, решительные, мыслящие и действующие, как мы с вами. Наша политика в отношении России не может диктоваться людьми, уже решившими, что нет возможности сотрудничать с русскими и что наши инте-

¹ Свенгали — герой романа английского писателя Джорджа дю Морье «Трильби», обладавший гипнотической силой воздействия на людей.

ресы сталкиваются и в конце концов должны привести к войне. Я считаю эту позицию несостоятельной, и она может привести только к катастрофе» (т. II, стр. 661—663).

* * *

В меру своего понимания Шервуд стремится быть объективным к Советскому Союзу. Картина, нарисованная на страницах книги, убедительно доказывает возможность — даже в обстановке величайшей исторической бури — не только мирного сосуществования, но и тесного сотрудничества государств различных систем. В этом важное положительное значение работы Шервуда. И все-таки как много в ней ошибок, неточностей, недомолвок, искажающих историческую истину и направленных против СССР! Приведу несколько примеров.

Рассказывая о Крымской конференции, Шервуд утверждает, будто бы единственное решение, принятое на ней по вопросу о репарациях, сводилось к тому, чтобы передать этот вопрос на рассмотрение межсоюзнической репарационной комиссии в Москве, не указывая, однако, из какой общей суммы репараций комиссия должна исходить. В действительности дело обстояло несколько иначе. В самый последний день Крымской конференции, 12 февраля 1945 г., за прощальным завтраком главы трех держав подписали протокол, в котором репарационной комиссии рекомендовалось исходить из общей суммы репараций в 20 млрд. долл., 50% которых, т. е. 10 млрд., должны были идти в пользу СССР.

В декабре 1944 г. германские армии внезапно перешли в наступление в Арденнах, прорвали англо-американский фронт на протяжении около 100 км и в глубину на 110 км. Западные державы понесли большие потери людьми и военной техникой. Перед ними встал призрак нового Дюнкерка. В этот критический момент, 6 января 1945 г., Черчилль обратился к советскому правительству с просьбой о помощи. Уже 7 января из Москвы ему было сообщено, что советские войска досрочно начнут широкое наступление, и 12 января, несмотря на неблагоприятную погоду, они действительно нанесли немцам мощный удар на широком фронте от Балтийского моря до Карпат. В тот же день германское наступление в Арденнах прекратилось, и англо-американские армии были спасены от разгрома. Рассказывая о событиях в Арденнах, Шервуд, однако, ни словом не упоминает о помощи, оказанной Советским Союзом своим союзникам на Западе.

Вообще, когда речь идет о советской стороне, Шервуд становится очень скуп на слова, широко использует фигуру умолчания или невнятную скороговорку; в результате умаляется роль СССР в ходе и исходе войны, что приводит к фальсификации истории.

Закрывая книгу Шервуда, невольно думаешь: «как жаль, что до сих пор издается так мало советских мемуаров о делах и людях второй мировой войны!».

